

МАЙНА ЛУНЁВСКАЯ
Поэтесса. Участвовала
в «Липнах» и в семинарах
Союза писателей Москвы.
Стипендиатна Фонда СЭИП
(от журналов «Знамя»
и «Юность»). Победительница
премии «Северная земля».
Состоит в ЮРСП. Стихи
публиковались в журналах
«Знамя», «Москва», «Нольцо
"А"», в «Литературной газете»,
на порталах «Литература»,
«Полутон», «Формаслов»
и др. Живет в селе Бере-
зовна 1-я Тамбовской
области.

А Я ЗАПОМНЮ...

* * *

Ночью окно открыто, и в палисаднике
слышно, как падают яблоки в барабан,
частое «ц» хай-хэта или цикады,
большая тарелка луны в глубине эстрады,
в качестве духовых выступает комбайн
(всю ночь убирают пшеницу).
В спальне окно открыто, и мне не спится,
яблоня гнется, лето уже в конце.
Никто не пришел на концерт,
но не расстроились музыканты
(делай свое цэ-цэ, как говорят цикады,
делай свое цэ-цэ, кто-нибудь да услышит).
Время стоит в моей комнате и не дышит.

* * *

Медленно,
часть от целого,
падают листья,
как будто за пикселем пиксель
осыпается мир, начиная с леса,
как будто распад победил
с внушительным перевесом.

Чем объяснить такую печаль вначале?
Разве мы смерть до этого не встречали?
Или приняли за свою?
Как ни тянусь до света – не достаю.

Как ни расти, а стеблям лежать в зиме,
в коме, в комке из снега, лицом к семье,
в корни, а то и значит, держись корней,
помни свою печаль, говори о ней.

Но если копнуть поглубже, то это, на самом деле,
никакой не ужас, а память по земледелию.

Лёса будущие дрова
в небе по рукава.
Как долго летит листва.

* * *

Прямо за кладбищем поле, Ольшанка, ивы –
видела много раз, до сих пор красиво.

Там же стоит подсолнух и кукуруза,
между ними трава ничья.
Птицы, когда им грустно,
летают, но не кричат.

Влево – асфальт, направо – грунтовка к току.
Сколько я здесь на веле каталась, столько
по сторонам смотрела, понять пыталась,
небо еще ни разу не повторялось.

Дальше еще дорога, она к оврагу.
Иногда там чабан с собакой пасет отару,
иногда прилетают лебеди или гуси.
Собака кидается к велу, но не укусит
и не продолжит дальше за мной погоню.
Кто это все запомнит? А я запомню.

* * *

когда придет осенняя вода
готовь посуду
вот ласточки сидят на проводах
печаль повсюду

вот облако над областью мучкап
не глушь а тише
что музыку садового сверчка
и в доме слышу

еще синап до позднего висит
не то что злаки
а сколько было ночью персеид
лежат в овраге

садовый труд как сумма груш и грыж
и труд бумажный
а то что ты со мной не говоришь
уже не важно

* * *

Я прихожу к Ольшанке, сажусь на дно,
воды с него не набрать.
Но без воды это ведь все равно
речка, река, как же еще назвать?
Так я сижу и жду, что волна пойдет,
вместо нее растет широко полынь.
А река ничего не ждет,
ее берега полны.
Не течением, а травой,
не рыбой, а муравьями.
Никогда не была пустой
(пустота не в реке, а в яме
или в том, кто сидит на дне).
Волна говорит волне:
«Не волнуйся.
Река во мне».

* * *

Переизбыток леса, немыслима асфиксия.
Никто не окликнет и не предъявит лика.
Дальше-то что? Дальше опять Россия –
красный солдатик, синяя ежевика.
Воздух стоит – мы ноги ему связали.
В деревянных одеждах смиренны братья.
Темные круги под голубыми глазами
неба. По справедливости не поделишь.
И земля, как на вырост платье –
ждет, когда ты его наденешь.